

Глава 1. Часть 1: Одинокий полевой цветок в заднем дворце

I

«С сегодняшнего дня вас зовут Сецу Рими». Все началось часом ранее.

Аяко Умаси-но-Мия прошла через ворота в задний дворец Конкоку. Ей было приказано переодеться, и вместо ее вакокуанского платья, которое состояло из нескольких слоев одежды, ей дали легкий жакет.

Ее привели в зал, украшенный ярко-красными колоннами, где ждали несколько евнухов. Затем евнухи сообщили ей о новом имени, под которым она будет жить.

Итак, моя фамилия — «Сецу», а имя — «Рими».

Она была удивлена, что ее имя изменилось совершенно неожиданно, так же легко, как изменили бы вывеску на доме. Однако, хотя ей еще не нравилось ее новое имя, она также была удивлена тем, с какой готовностью приняла его.

В конце концов, даже если вы поменяете вывеску дома, само здание останется неизменным. То же самое относилось и к ней самой — хотя ее новое имя было еще незнакомо ей, она все еще была тем же человеком, которым всегда была.

Ха... Я думаю, смена имени не так уж и важно? Она кивнула, придя к удовлетворительному выводу в своей голове. Позабавленная отсутствием конкретики, выражение ее лица смягчилось.

Увидев ее веселье, евнухи насторожились. "Что тут смешного?"

Ещё со времен, когда она была маленькой, другие часто жаловались на ее беззаботную манеру поведения Аяко — нет, Сецу Рими — вспомнила об этом и поспешно напряглась.

«Совсем ничего», — ответила она на Конкокуане, на изучение которого потратила почти год, готовясь к отъезду в Конкоку. Хотя ее понимание разговорной речи было почти идеальным, ей все еще не хватало словарного запаса, чтобы говорить красноречиво. Она боялась, что это может привести к проблемам в будущем.

«С сегодняшнего дня вы Конкокуан. Ваш ранг — шестой — Леди Драгоценной Беви. Дворцовая дама из Главной дворцовой службы покажет вам дорогу отсюда». Как только евнух закончил говорить, к Рими стремительно подошла пожилая женщина, ждавшая у входа в зал.

«Сюда, Леди Драгоценной Беви Сецу» женщина подтолкнула Рими, взявшую терракотовый горшок, поставленный у ее ног. При виде горшка, лицо женщины омрачилось подозрением. Евнухи, только сейчас заметившие, что Рими несла горшок, нахмурили брови, словно упрекая ее.

«Пожалуйста, подождите, леди Рими. Что это вы несете? Где вы это взяли?»

«Он из Вакоку. А что?»

«Никакая одежда или аксессуары из любой другой страны, включая Вакоку, не допускаются в задний дворец».

«О, не волнуйтесь. Это еда. Это вкусно. Хотите увидеть?» Рими мягко улыбнулась, поставила

горшок обратно на каменный пол и открыла крышку. Евнухи и дворцовая дама с опаской заглянули в горшок.

«Что это такое?» недоверчиво спросил евнух. Глянцевая белая субстанция заполнила горшок. Текстура была похожа на тонкий слой грязи. Слабо сладковатый, мягкий аромат напоминал вино, сваренное из риса. Это был прекрасный запах, который привлек бы любого, кто его унюхал, хотя он, должно быть, был незнаком жителям Конкоку.

Это была площадка для маринования, называемая каоридоко, которая использовалась для приправы пищи, в результате чего получилось нечто, называемое каоридзукэ.

Понятно... люди из Конкоку не знают о каоридзукэ. В таком случае, про каоридоко они, очевидно, тоже не знали бы... Мариновать... маринад? Подожди-ка, как мне описать это на конкокуане? Рими наблюдала за реакцией евнухов и женщины, когда она изо всех сил пыталась придумать, что сказать.

«Неизвестные вещества не допускаются в задний дворец Его Величества Императора. Я конфискую это» деловито сказал евнух. Рими быстро закрыла горшок крышкой, подняла его и взяла на руки.

"Нет! Это... Это... Оно приятно пахнет и давит на еду!" Рими попыталась дать описание знакомыми ей словами, но евнухи побледнели.

«Давит на еду? Как при угрозе кому-то... может это яд?!»

Рими пыталась перевести. Она надеялась, что они представят образ чего-то удерживаемого в маринаде, но это не сработало, как ожидалось. В отчаянии она попыталась подобрать нужные слова.

«Это не яд! Я неправильно выразилась. Оно не давит, а... хоронит!»

«Хоронит?! Вы хотите хоронить людей?!»

Прейдя к диким выводам, евнух был поражен еще больше. Рими хотелось бы ответить: «Ты не можешь быть серьезным», но с ее языковыми навыками это было наименьшей из ее проблем.

«Не людей. И вы не закапываете, вы... вы укладываете в кровать... Э-э, это правильное слово?»

«Кровать? Вы же не собираетесь вылить это на постель Его Величества, не так ли?!»

"Его Величество? Его Величество не имеет к этому никакого отношения. Статус Его Величества в этом случае снижен до лица несущественного».

«Статус снижен?! Что вы имеете в виду под лицом несущественным?!»

Рими попыталась вежливо объяснить, что император не имеет отношения к делу, но, похоже, что-то пошло не так.

М-мне может быть тут и конец. Почему-то, чем больше я пытаюсь объяснить, тем хуже становится...

Она чувствовала, как холодный пот течет по ее спине. Она решила отказаться от объяснения более тонких деталей и вместо этого пыталась убедить их, используя простые слова.

«Как бы там ни было, это... это не яд. Это безопасно. Его едят. Если у меня не будет его, я не войду в задний дворец».

«Тогда, пожалуйста, объясните, что это такое, леди Рими».

«Как я уже сказал, гм... это еда. Это не яд. Это не опасно. Его едят» Когда Рими повторила свои слова, она услышала, как евнух шепчет другому, по-видимому, высокопоставленному евнуху.

«Мы должны послать за переводчиком», — прозвучало как-то так. Высокопоставленный евнух кивнул в знак согласия с обеспокоенным выражением лица.

Чувствуя пристальные взгляды дворцовой дамы и евнухов, Рими держала горшок, как бы говоря: «Вы заберете его через мой труп».

Что делать, если его заберут? Если я потеряю его, то больше никогда не найду, пока окажусь в Конкоку.

Доставить горшок сюда из Вакоку было тяжелым испытанием. Во время семидневного плавания по морю она упорно трудилась, чтобы горшок не разбился от качки лодки.

Ее имя заменили так же легко, как вывеску на доме. Это она могла принять. Даже если ее имя изменится, непоколебимое здание, которым она была, не рухнет. Но столпом, который поддерживал это непоколебимое здание, была еда — и это был единственный столб, поддерживавший ее.

Прождав черт знает сколько времени в этом слегка напряжённом зале появился молодой человек. На вид ему было немногим больше двадцати лет, он был высокого роста и стройного телосложения. Его глаза были необычайно спокойными для его возраста. Евнухи подошли к мужчине.

Хм? Переводчик? Перед ним евнухи ведут себя ужасно скромно.

Во время инструктажа евнухов мужчина быстро приблизился к Рими. Должно быть, его срочно вызвали — было видно, что он немного растерялся.

«Евнухи попросили меня объяснить вам ситуацию» бегло произнес мужчина на вакокуанском языке. С радостью, нарастающей в ее груди, когда она услышала его, Рими взволнованно ответила.

«Вы из Вакоку?!»

«Нет, я из Конкоку. Я выучил вакокуан, получая образование. Вы принцесса Вакоку, верно? Кажется, вас зовут Сецу Рими. Рими, вы в курсе, что иностранную одежду и аксессуары нельзя проносить в задний дворец Конкоку?» Мужчина говорил мягко, не осуждая ее, а мягко убеждая.

«Я в курсе. Однако это не одежда и не аксессуар, и не неизвестное опасное вещество. Это еда. Мне сказали, что еду можно приносить».

«Да, я слышал от евнухов, что вы настаиваете на том, что это еда. Однако они утверждают, что не могут понять, как это может быть правдой».

«Тогда посмотрите, пожалуйста сами», — сказала Рими и присела, чтобы поставить горшок на пол, и снова сняла крышку. «Вы знакомы с вакоуанским каоридзукэ?»

«Каори... дзукэ?»

«Вы маринуете овощи, рыбу и мясо в смеси, содержащей такие ингредиенты, как соль и мисо».

«О, да, я слышал, что это обычное дело в Вакоку. Так это и есть знаменитое цукэмоно?»

Мужчина заглянул в горшок с большим любопытством.

«Нет, это каоридоко, лоток для маринования, используемый для приготовления каоридзукэ. Если положить сюда еду и оставить на несколько дней, она станет очень вкусной».

«Из чего сделан этот маринад?»

«Он сделан из отходов, которые образуются в результате варки рисового вина. Единственными ингредиентами являются рис и вода, так что в нем нет ничего опасного. Вы могли бы даже съесть его, если бы очень захотели».

«Ну, насколько я понимаю, евнухи определенно перегнули палку. Но я должен спросить, действительно ли это что-то настолько важное, что вы проделали весь путь из Вакоку и устроили истерику только потому, что не могли пронести его в задний дворец?»

«Это важно для меня. Очень даже» ответила Рими, не сводя глаз с мужчины. «Настолько важно, что если я не смогу пронести его в задний дворец, то скорее засуну голову в котел и утону на месте».

«Я понимаю. Другими словами, это действительно очень важно». Мужчина встретился с пылким взглядом Рими и кивнул. «Это довольно оригинальный способ лишиться себя жизни, который вы придумали, и я не хотел бы упустить возможность стать свидетелем сего действия, но ладно. Если вы так настаиваете... Я съем его».

Внезапно мужчина сунул палец в блестящий белый маринад и лизнул палец.

Что?! Он попробовал!

Евнухи и женщина поблизости в испуге закричали и заговорили одновременно.

«Это опасно!»

"Вы сошли с ума?"

Однако мужчина оставался спокоен. Попробовав, он сделал такое лицо, как будто только что услышал глупую шутку, и слабо улыбнулся.

«Нет необходимости беспокоиться. Шум по этому поводу - пустая трата времени. Это какой-то ферментированный рисовый продукт. Его можно без проблем отнести в задний дворец. Он ничем не отличается от редким иностранным чаем, которым наслаждаются в заднем дворце».

«Но мы не можем пронести неизвестное вещество в задний дворец Его Величества...» евнухи переглянулись, все еще не убежденные. Мужчина мягко улыбнулся в ответ, как бы говоря: «О, мне делать с вами». Его улыбка заставила евнухов смутиться.

«Я ручаюсь, что это безвредно. Если возникнут какие-либо проблемы, просто назовите мое

имя. Я возьму на себя всю ответственность».

Словно под влиянием его улыбки, евнухи, наконец, согласились: «Очень хорошо, в таком случае...»

Мужчина снова повернулся к Рими и снова заговорил с ней на вакоуанском. «Они согласились позволить вам принести этот горшок в задний дворец».

«Вам удалось их убедить?!» удивленно спросила Рими. Мужчина протянул руку, взял Рими за руку и помог ей подняться на ноги.

«Пожалуйста, встаньте. Вы скоро станете женщиной заднего дворца Конкоку. Вы должны вести себя элегантно. Вы никогда больше не должны приседать на пол».

Рими посмотрела на высокого мужчину. Она видела свое отражение в его пронизательных глазах.

«Берегите свою еду с родины» сочувственно сказал он. Затем он развернулся и вышел из зала.

Его голос... О, какой добрый голос... Безмолвная, Рими смотрела, как мужчина уходит, а теплое чувство медленно наполняло ее грудь.

Когда Рими прибыла в Конкоку ранее, ее сопровождающие быстро попрощались с ней. Все конкокуанские чиновники были холодны и равнодушны и беспристрастно вели ее до заднего дворца. Даже Рими с ее беззаботным поведением чувствовала некоторую тревогу в окружении чужих зданий и людей, говорящих на иностранном языке. Перспектива конфискации ее каоридоко еще больше обеспокоила ее.

Среди такой безнадежности это были первые добрые слова, которые кто-либо из Конкоку сказал ей.

«Очень хорошо. Мы разрешаем вам отнести это в задний дворец» неохотно согласились евнухи, махая ей рукой, словно призывая поторопиться.

Рими с облегчением положила руку на грудь, слегка поклонилась в знак благодарности и пошла вслед за дворцовой женщиной из зала. Только тогда она поняла, что не выразила ни слова благодарности вакоуанскому молодому человеку. Она остановилась как вкопанная и повернулась к евнухам.

«Извините меня! Кто был этот господин только что? Я хотела бы выразить ему свою благодарность».

«Он лучший ученый в Конкоку. Мы не смогли найти переводчика и вместо этого были вынуждены обратиться к нему за помощью. Он вам не женщина из заднего дворца, которую вы часто будете встречать. Скорее всего, вы его больше никогда не увидите» прямо ответил евнух, холодным взмахом руки приказав ей поторопиться и уйти.